
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

* * *

Гвалт под мартовским небом грачей
И гремющий в овраге ручей,
Словно нет на земле сволочей —
Лизоблюдов, пройдох и рвачей.
Словно нет сверхпаденья в цене
На слова
 о душе, о добре.
Словно место им
 лишь в словаре...
И повсюду
 барыш на коне...

РАЗГОВОР

Было
 в разговоре
 тесно
Не потому,
 что не нашли темы.
Один
 говорил честно.
Другой —
 не отвечал
 тем же.

* * *

И говорю себе:
сам знаешь.
И поступай,
как поступаешь.
Ни дня
не выкинешь,
как ветошь.
Сам знаешь,
что за все
ответишь...

ПЕВЕЦ

Он ревел в бесшабашности песенной
И входил в сокрушающий раж.
Я-то думал, что свой — бессеребренник.
Я-то думал,
Что духом — Челкаш.
Пред бездомьем до смерти
 есенинским,
Пред хибарой,
 где кончил Рубцов,
Что вы стоите
 с вашими песнями,
Обладатели вилл и дворцов.

* * *

Который год разлив не получается.
И у реки — сухие берега.
Как прежде дали
 не переливаются
В лучах зари,
 когда сойдут снега.
И дух весны
 не потрясет за городом
Щемящей влагой
 с чистого листа...
Свалилась
 на мою седую голову
И давит душу
 эта сухота.

* * *

Затянулся простой —
И я выбит из ритма.
Что я трудно искал,
Что я трудно нашел.
Потерял я настрой,

Потерял я палитру
Красок к темам своим
Кровным всем до одной.
Муза мстит
За бездействие,
За проволочку,
Что подолгу
За чистый я лист
Не сажусь.
И лишь верный Пегас
Стойко ждет мои строчки
Те,
Что кто-нибудь
Будет читать наизусть...

* * *

Дни и ночи — в больничной клетке,
И два дерева в окнах видны.
На одном — оголенные ветки.
На другом — от листвы зелены.
Мрак предзимний. Рассвет. Не спится.
Словно мышцы, душу светло.
Ветвь зеленая бьется птицей,
Обреченно стучит в стекло.

* * *

Как будто бы в праздник
листочки с балкона,
Лишь ветер
подул с вышины,
Посыпались листья
на волю затона,
На холод
осенней волны.
Посыпались листья
под сумрачной тучей
Из рук
золотых тополей.
И день на исходе.
И, может быть, лучший
Из прошлых
и будущих дней...

* * *

Зима еще на полдороге
В мои притихшие края.
Опавший вяз, как иероглиф
В осенний луг вписал октябрь.
И этот странный иностранец,

Изобразив восточный танец,
Всю зиму будет здесь чернеть.
Какой-то смысл в себе иметь.

* * *

Ночной перрон, как под гипнозом,
Оцепенел в морозной мгле.
Все та же мудрость
В небе звездном.
Все та же глупость на земле —
Тупой, халявной, шкурной пользы,
За ней к Христу валил народ.
Знобит перрон. Все ближе поезд.
И льнет к ногам бездомный кот...

* * *

О чем вы, деревья,
Кому
Киваете тихо ветвями.
Каких
Потрясений канун
Сегодня
Провидится вами...
Все будет,
Что знаете вы —
Всего лишь дубы и каштаны.
Вблизи
Нежный шелест листвы
Вдали —
Громяхают туманы.

* * *

Ни словам,
Ни чувствам
Не вернуться,
Чей угас,
Как все угаснет
Срок.
Мне б увидеть сон
И не проснуться
От последних дней
На волосок.
Что увижу
В этом сновиденье?
Чем себя, смурного,
Удивлю?
Может быть,
«прекрасное мгновенье» —
Как давно хотел —
Остановлю.

* * *

Над скорбной колеей
дороги позабытой
Свистит осенний день
в татарнике сухом.
И ворон в небесах,
всем холодам открытый,
На бешеном ветру
угрюмо бьет крылом.
Кто нужен здесь кому?
Друг к другу нет участия.
Обречена трава.
Обречена листва.
И ничего не значит
слово «счастье»
И прочие
фальшивые слова.

* * *

Все тот же мир.
Летят столетья.
Все те же слезы.
Тот же смех.
И все,
Чем жил на белом свете,
Мелькнет,
Как молния
Сквозь снег...

Татьяна Жилинская
(г. Минск, Белоруссия)

Жилинская Татьяна Геннадьевна — поэтесса, актриса, бард, режиссер. Лауреат международной литературной премии им. Николая Гоголя «Триумф» и многих других. Публиковалась во многих журналах. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей Белоруссии и Союза писателей Союзного государства, почетный член Союза русскоязычных писателей Болгарии. Член редколлегии журнала «Новая Немига литературная».

* * *

Люблю тебя, обворожитель мой,
И ты теперь люби меня такой.
С моей тоской и вечной кутерьмой,
С большой котомкой за больной спиной.
Я твой укор, твой ропот и венец,
Ты искуситель, зрячий и слепец.
Не объяснить такое никому...
Быть может, мы разгадываем тьму
Простой любовью без постылых фраз.
И кто-то вечность вымолит за нас.
Пусть будет наш порыв необратим...
Мы не умрем...
Мы, может быть, взлетим...

* * *

А время — да... Оно неумолимо...
Уничтожает ласточкины гнезда.
Колдует, ворожит, что слишком поздно...
И это поздно в нем неистребимо.
А прошлое — не более, чем воздух.
Но вот сегодня, шепотом ранимым,
Хрустальный блик и трепетность ресницы,
Неровность рифмы, избранность петлицы
Пытаются строкой неуловимой
Мне подсказать, что время — умолимо...
И я пытаюсь...
Умоляю время...

Я на секунду время — умоляю
застыть на этом времени. Желая,
Застыв, сейчас сказать: «Ты просто верь мне...»
...сказать сейчас... Назвать тебя «Любимый»,
...назвав сегодня именем «Любимый»,
...сегодня имя дать тебе, любимый,
...и задыхаясь, выдохнуть: «Любимый...».
Пусть будет так — замрут сегодня будни,
Ты говорил, что свечи любишь,— будут,
Ты любишь мягкость губ — и это будет,
И время лишь затем тебя разбудит,
Чтобы опять сказать тебе: «Любимый...»

ПАМЯТЬ

Вот и все. Концерт окончен. Зачехлен гитарный трепет.
Дом бездомных престарелых вспомнил звук аплодисментов.
Мне теперь — к себе подобным, все сутулей и нелепей,
К премиальным, подработкам, бестолковым документам...

Там они теряли память, находя ориентиры
В птичках, ноликах и точках, в звуках разных славных песен.
Снег все таял. Таял. Таял. Из простуженной квартиры
Чей-то пес устало лалял. Бисер плел лукавый Гессе.

А они теряли память. Птички зыркали проворно:
Может — крошка, может — кошка, где спасение найдется?
Точки в нолики стремились, и царапались повторно
Вверх по клеткам, по ступенькам, к самым классным старым теткам.

Теток больше выживало. К ним терпимей бег по кругу.
Жаль, что дядьки, кошки, память — исчезали в мир прочтений.
Оставались звуки песен и, скажу тебе, как другу,
Оставались в результате очень многих предпочтений.

И желтели и жевались, и скрипели по линейкам...
Разлетались в пух и перья и потом взлетать боялись.
Тетки долго не сдавались, распевались на скамейках,
На кроватях, на кушетках, в майках, тапках, одеяле...

Это — орден, это — сила.
Это — круг «к себе терпимых».
Это — синтез состояний, класс игры в «себе подобных».
Иллюстрация идеи, сопряженность одержимых,
Что теряли тихо память, извиняюсь за подробность.

Птички, нолики и точки помогали... и не очень.
Все же, память уходила к дядькам, кошкам и, прощайте...
Что-то с этим надо делать?
Черкать лист поближе к ночи?

Но мы видим, даже песни
не дают больших гарантий.

Да, мы знаем — даже песни. Даже нолики и точки.
Что-то с этим надо делать. Что-то я сейчас устала
Размышлять о том, что память нужно сматывать в моточки.
Тает снег, надела тапки, завернулась в одеяло...

Понимаю, что исчезну, принимаю, что возможно
Задержусь на этой грани, между кошкою и птицей.
На границе, там, где память правит правдою и ложью,
Между ноликом и точкой на истерзанной странице.

Извини, сентиментально рассказать не получилось.
И детали не надежны, и сюжета нет местами.
Дом бездомных престарелых — суетится чья-то милость.
Между возрастом и песней — там, где все теряют память.

ПРУЖИНЫ

Пружины стонали, пружины скрипели,
А там, за окном, бушевали метели,
А здесь, на заводе, в таинственной дали,
Пружины в тепло и ватин одевали.
Сшивали обивку, вбивали заклепки,
Чтоб было приятно и кошкам, и попкам.
Скрипели пружины чуть сентиментально,
Казалось, в их звуках скрывается тайна.
Казалось, так просто — приляг на подушку,
И что-то такое откроют на ушко.
О смысле и месте, о прочих порывах,
Доступных, прекрасных, наивных, игривых!
И день наступил, прозвучало: «Обсудим.
Добротный диван пусть понравится людям!»
И сладко стонали пружины, ох, сладко!
И стоном любви заполнялась тетрадка
Одной поэтессы с глазами газели...
Опять за окном пролетали метели.
Сплетались тела, юность правила миром
В отдельно счастливой, с диваном, квартире.
Там были две кошки, собачка, соседи...
А скоро в подушках заплакали дети.
Потом засмеялись, потом заскучали...
Скрипели пружины, качали, качали.
И так день за днем, за неделей неделя
Скрипели пружины, летели метели...
И столько печалей, и столько секретов
Узнали пружины о том и об этом.
О тех и об этих так много узнали,
Что стали скрипеть и в любви, и в печали

Так громко, с опорой на нижние звуки.
Не в радость для кошек и попок, а в муки.
И время со скрипом решило задачу:
«Устал наш диван. Пусть поедет на дачу».
...Сбегают слезинка... Тихонько, украдкой,
Листаю года в потемневшей тетрадке.
Сама — потемневшая серая птица...
Что в памяти? Дети, любимые лица,
Ромашки в кувшинах, тепло и метели...
Еще что? Пружины... Стонали, скрипели...

* * *

Сердобольные, отстаньте от меня.
У меня теперь не кожа, а броня.
От такой отрикошетит на авось,
И молитесь, чтобы мимо пронеслось.
У меня теперь не сердце, а гранит.
Не жалеет, не рыдает, не болит.
Не зовет, не проклиняет, а взамен
Нет напрасных слов и несуразных сцен.
У меня теперь не нервы, а канат.
Наплевать на то, кто прав, кто виноват.
И на мщение-прощенье наплевать.
У меня теперь что слово, то печать.
Припечатаю и знаю — я права.
У меня теперь не чувства, а права.
Столько лет себя теряла, вот нашла...
Даже радуюсь, что молодость прошла...

* * *

Я дикая... Но мне с тобой тепло.
И я тебе к лицу. И это дико...
Еще раз на вспотевшее стекло
Взглянуть глазами мертвой Эвридики...
И оживать...
Листая нотный стан,
И стаи слов, надмирных и свободных.
И принимать из множества пространств
Единственно возможное сегодня.
И приручаться, следом в след, таясь,
Страшась окликнуть, но желая света.
Веди меня, узнавший слово «страсть»
В гортанном крике павшего Поэта.
Вот руки, вот душа... В душе дыра...
Огромная... В ней демона пытали...
Я дикая, веди меня, пора...
В рассвет веди, а прочее — детали.
Не оглянись.
Я — мечь, я — крик, я — жгут,
Я — «Посторонняя» Жан-Поля Сартра...

Я дикая... Но я с тобой дышу,
И забываю, что не верю в завтра...

КРУЖКА

Из-под сколов и обломков время вылезло наружу.
Беспокойной мелкой дрожью память ежилась, ворчала.
Я всего лишь чищу кружку, я всего лишь мою кружку,
Допотопную жестянку, у которой нет начала.

Кем, когда, зачем, и сколько — где ответы на вопросы?
Чем измазан бок: перловкой или... да, кусочком сала.
Чем пахло: чаем, водкой, может, медным купоросом?
И кого она от пули скользким краешком спасала?

Что с нее мне? Память детства, пальцы бабушки и мамы.
Пар, нависший над землею, злость воды, в огонь попавшей.
И колодец по соседству, самый чистый, самый-самый...
Сок березовый, слезою на кривое днище павший.

Миг игры, в которой мячик должен ей сказать спасибо.
И костер с гитарой юной, и поэт, влюбленный в мяту.
И советские поездки — стройотряды по Турксибу.
И рюкзак простого кроя, в сколиозе виноватый.

Белый цвет под запах хлора, полувнятные улыбки,
И зубовный гадкий скрежет о края моей бедняжки.
Шум в ракушке, бриз, «Боржоми». «Не скучай» —
с морской открытки.
Позабывтый после детства, добрый дух молочной кашки.

Я ее отчищу, все же, подождет посуды племя,
Вид для свалки, он абсурден в современной амплитуде.
Ведь по сколотой каемке здесь мое застыло время.
Я не знаю про начало, но при мне — конца не будет.

Валерий Кулешов
(г. Щекино)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ОЖИДАНИЕ

Чую:
отчаянно близко
(не доступив — шажок)
Божья мелькает искра...
Горек ее ожог.

То-то и солнце не мило,
темен в душе разлад.
Рядом,
и все же — мимо
горнего слова разряд.

* * *

Лучшую песню оставишь ей,
чуда коснувшись прежде:
вновь на земле оттаявшей
всходит — надежда.

ВОСЕМЬ СТРОК

Вячеславу Алтунину

Сдвигая сроки, жизнь итожа,
в самозабвении своем
осознаем светлей и строже,
уверенней осознаем:

на части белый свет не делим,
суть — в сочетании простом,
где вместе — горечь обретений
и расставания восторг.

УЗЕЛ

...и тасовать вопросы те же,
на верный — выправлять ответ
/в конце концов — а что же держит,
что наполняет этот свет?/,

и преломлять краюху хлеба,
и твердо ощущать в себе
всю глубину сквозную Неба
и всю его любовь к Земле...

* * *

Ночь распадется —
 вижу:
внемля мерцанию вех
Божьих,
собрался, вышел
строгий прямой человек.

Льется стезя сквозная,
бьется
 в живом огне —
он, от меня ускользая,
все же идет ко мне...

Вечность высветят свечи,
вечность —
 захватит дух:
чем я себя встречу...
с чем я к себе приду...

ГОЛОС

...когда и просвета не чаю,
явь выводя из снов,
вдруг вспыхивает звучанье
в душе оживающих слов.

Не зная, что это — слыше,
но, весь обратившись в слух,
внимаю, как рядом дышит
живое творящий Дух.

И, целого будучи частью,
идя от коней одних,
смирненно приму причастье,
дыханье Его продлив...

* * *

Был уверен — уйду первым,
строго тебе приказав:
пусть еще долго
болеют белым
светом — твои глаза.

Так хотел я,
да жизнь расставила
все по своим местам.
Знаю,
меня ты здесь не оставила,
знать бы, что примешь — там...

* * *

Путь земной — и суров, и лукав.
Переступая межу,
если что и держу в руках —
это себя держу.

ОЖОГ

Так и было: в начале пути,
взгляд проводя сквозь солнце,
я обожженным нутром ощутил
все, что меня коснется...

И не надо долгих речей,
в главной мой путь сказался:
так и вышло — куда горячей
все, до чего касался.

ПЕСНЯ

Значимей и дороже
неизъяснимый свет
песни,
что здесь быть может,
песни,
которой — нет.

След углубляет остуда,
новое благо даря...
Если они — оттуда,
где же тогда — я?

* * *

Остро чувствую:
раннее

ищет свой след в позднем,
жестко во мне уравнивая
«до» и «после».

Не помышляя в выгоде,
слово не тратя всеу,
вдруг получаю на выходе
то, что несу я.

Эти шаги измерены
чувством одним.
Я
выпадаю из времени,
чтобы парить
над ним.

МЫ

В маяте от скудости запаса
из начальных солнца и воды
безотчетно ждем
второго Спаса...
Древа жизни горькие плоды.

* * *

Как все это хрупко и зыбко...
Подвластны законам волны,
равны домовина и зыбка,
в основе равны.

А чтоб не рассыпались звенья,
и чтобы не стерлась межа,
мне выпало внутренним зреньем
пространства и время держать.

РЕМЕСЛО

«...все дальше, все меньше, все горше...»
Умножив один на один,
отчаиваться — не гоже,
на нет ожиданья сводить.

«...все ближе, все четче, все строже...»
Рожденное в шорохе слов —
по слуху, по сердцу, по коже...
Какое уж тут ремесло.

Ольга Борисова
(г. Самара)

Ольга Михайловна Борисова, поэт, переводчик, прозаик, лауреат международной премии «Славянские традиции», лауреат различных международных конкурсов-фестивалей, руководитель Самарской региональной организации Союза литераторов, гл. редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», член редакционного совета журнала «Белая скала», член Союза писателей России. Постоянный автор журнала «Приокские зори».

ЗЕМЛЕ

Три посвящения Земле

1

Я дитя степей раздольных,
Мира грез и тишины.
Дочь Земли, просторов вольных —
Необъятной ширины.
И пределов первозданных
С их неброской красотой,
Уголочков богоданных
С деревенской простотой.

2

Земля — алтарь во храме Мира,
Красы божественной цветок.
Тебе поет святая лира,
Восславив запад и восток.

Вокруг тебя роятся звезды,
Их хоровод ведет луна.
Витают тенью чьи-то грезы
Во время сладостного сна.

И первый луч на небосводе
Прекрасный лик твой золотит.

И распутившейся природе
Слагает гимны вновь пиит.

3

Ветвь бархатистой сирени,
Робко стучит о стекло.
День наступивший весенний
Небо цветами зажгло.

Рыщет просторами ветер,
Прячется в травах густых.
Бродит весна по планете
В ситцевых платьях простых.

Мне бы ее вдохновенье,
Мне бы крылатою стать,
Я бы в своих сочиненьях
Землю смогла прославлять.

МЕРЦАЕТ СВЕТ...

Мерцает свет лампад небесных,
Над миром царствует луна —
Владычица пустынь безвестных,
Покоев тьмы, покоев сна.

Где нет границ и, где все цельно,
Своя гармония миров.
Где совершенство безраздельно —
Его, порой, я слышу зов.

СПЛЕТАЮ ЖИЗНЬ...

Сплетаю жизнь из радостных мгновений,
Ушедших в вечность... ждущих впереди.
Создатель мой, всесущий мудрый гений,
Незрячую — к обители веди.

К познанию, к незыблемой вершине,
Где бестелесны сущие миры.
Где явь — не сон, куда бреду отныне,
Пороки захватив, а не дары.

А жизнь люблю! Еще ценю мгновенья,
Их бессловесный тайный перезвон.
И жду с небес святого озаренья,
Чтоб с Мировым дышать мне в унисон.

НА ЦИФЕРБЛАТЕ ВРЕМЕНИ...

На циферблате времени сплетаются века.
Уходят в невозврат былые поколения.
Уносит память краткую безводная река,
А маятник стучит... другим для наставленья.

Теряется в безвремие народов пришлых след.
Сокрыты от людей миров иных секреты.
Но иногда из млечности во сны слетит привет,
Пичугой Гамаюн с неведомой планеты.

ЗНАКИ

Алеет роза в вазе синей
На белом кухонном столе.
Лучи луны потоком линий
Рисуют знаки на стекле.
Не спят часы. Летят мгновенья
И чередой сплетают век.
Смотрю с тоской и сожаленьем
На торопливый стрелок бег.
И час... и два... Их путь-по кругу.
Им безразличен свет луны
И звук таинственный в округе
Среди безмолвной тишины.
Зовущий в радость покаянья,
Заблудших — в сумраке земном,
Где лишь печали и страданья
И зло — в угарище хмельном.
И ропщет роза в вазе синей
На белом кухонном столе...
Лучи луны, потоком линий,
Рисуют знаки на стекле.

МОСТ ВРЕМЕНИ

Из песков золотых выстилаю я мост.
Зрят из прошлого пристально тени.
Поднимаюсь с колен и встаю в полный рост,
И дрожат напряженно колени.

И я слышу раскаты музык Мировых,
Шелест ветра, зовущий в безмерность.
И надземные звоны с глухих мостовых,
И неясность и их — эфемерность.

Три песчинки зажаты на память в руке,
С отзвеневшим — разорваны нити.
И слезинка скатилась по мокрой щеке —
Ухожу я для новых открытий.

В ШАФРАНОВЫХ ШТОРАХ

В шафрановых шторах запутался ветер,
На стеклах мерцает янтарный закат.
В вечерней тиши при неоновом свете
Слагаю, рифмую — и все невпопад.

Нет слова живого в измученных фразах,
Нет взлета, полета от жизненных бед.
Крыла обломались... и оба, и сразу,
И ноет весь вечер согбенный хребет.

Закат догорает шафрановым цветом,
Лимонною долькою виснет луна.
Но солнце взойдет и воскресну с рассветом,
И вновь запою, и отдам все сполна.

ОКОШКИ С ГЕРАНЬЮ

Окошки с геранью, зеленые ставни,
Навесик над входом, массивная дверь.
А в доме, как прежде, комод стародавний,
С времен он «Гороха». Не моден теперь.

А рядом — кровать прижимается боком
К широкой стене под узорным ковром.
И фикус в кадучке стоит одиноко —
Все это в народе зовется «добром».

Я здесь не была лет, пожалуй, уж восемь,
Но все неизменно стоит до сих пор...
Лишь только хозяйке ревнивая осень
Уже подписала судьбы приговор.

ВЕТЕР

*«Ветер нынче строптив,
хамоват и развязан...»*

В. Шемшученко

Расшалившийся ветер срывает с дерев оперенье,
А с прохожих шарфы и смеется им звонко в лицо.
Я с ним нынче на «ты». Под окном его гулкое пенье,
Он мне листья подбросил на мытое утром крыльцо.

Он шалун, озорник, засыпает в саду все дорожки,
В водосточной трубе воет так, словно сто домовых.
И пугает собак. И в округе сбегаются кошки,
И поют о потерях на гулких сырых мостовых.

ПОПУГАЙ

Пугливые листья трепещут на ветках.
За окнами осень. Кочуют грачи.
На юг улетают... а в розовой клетке
Несносный ворчун недовольно кричит.

Быть может, он тоже собрался на отдых?
Австралию вспомнил? Гнездо и родных?
Собратьев таких же красивых, и гордых,
Живущих на воле в пределах иных.

А, может, тоскует о спутнице верной?..
Накину пальто и пойду на базар!
Пройдусь по рядам, и куплю я, наверно,
Подругу ему из страны Занзибар...

Валерий Виноградов
(г. Алексин Тульской области)

Родился в Казахстане в 1948 году. Жил и учился в Туле. Вся трудовая деятельность прошла на шахтах Подмоскownого угольного бассейна, где отработал 31 год, завершив должностью директора шахты «Никулинская» в 2003 году. Труд в угольной промышленности отмечен знаками «Шахтерская Слава» трех степеней. Издал три поэтических сборника. Печатался в областных и московских альманахах. Член Союза писателей России.

МОЯ ДУША

Летит моя душа
Без страха и унынья,
Над пропастью кружа,
К тебе, расправив крылья.

И будто бы с небес
Ко мне слетают звуки,
И легче тяжкий крест,
И сердце терпит муки.

О, сколько в жизни раз
На части душу рвали,
А слезы милых глаз
Дотла испепеляли.

Но не иссяк запал
И раны рубцевались,
И голос мой звучал,
Надежды возрождались!

Пока горит огонь
И солнце ярко светит,
Моя к тебе любовь
Сильней всего на свете.

Глаголы сердце жгут,
Слова слагают песни,

И вдвое легче путь,
Когда идем мы вместе!

* * *

Серое утро,
 скрытая даль,
Ветер попутный
 гонит печаль.

Все растворится
 с пришлым дождем,
Боль испарится
 пасмурным днем.

Вспыхнут нежданно
 искорки глаз,
Сердцу отраднo
 в сумрачный час.

Сквозь непогоду
 и холода
Сброшу невзгоды
 раз, навсегда.
Радость от взгляда
 сил придает,
Что еще надо?
 Сердце поет!

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Белый снег безгрешный
Падает с небес,
Он накрыл неспешно
И поля, и лес.

Серебром искрятся
Склоны древних круч,
И лучи струятся
Из-за серых туч.

Вниз летят снежинки,
Всюду кутерьма,
Замела тропинки
Матушка-зима.

Восхищая взоры,
Взгляды веселит,
На окне узоры
До весны хранит.

Красит щеки холод,
Шум и звонкий смех,
Чувствуешь, что молод
И шутить не грех...

МАМИНА ЛЮБОВЬ

Золотое детство,
 чудные года,
Память жжет мне сердце,
 манит вновь туда,
Где остались ласки,
 рук родных тепло,
Где царили сказки,
 отгоняя зло...
Канули те годы,
 как в песок вода,
Отшумели всходы
 раз и навсегда,
Но на сердце нежность
 до сих пор жива,
Детства безмятежность,
 мамины слова...
Не забыть мгновенья –
 память все хранит,
Легким дуновеньем
 жизнь вперед летит.
Вера и надежда
 помогают вновь,
Бережет, как прежде,
 мамина любовь!

РОДСТВО

Три сестры, три судьбы,
Три избитых дороги,
Бесконечность борьбы,
Перемены, тревоги...
Свет далекой звезды
И туман Андромеды,
Синий отблеск воды,
Уходящие беды...
Долгожданной мечты
Бесконечные дали,
Лиц любимых черты,
Чувства сродными стали...
Кратковременность дней,
Заплетенная в косы,
Все дороже, родней,
Как весенние росы...

Не отыщется сил,
Не придумать причину,
Чтобы вас разлучил,
Загасил бы лучину.
Ветров буйных порыв,
Грома крики, раскаты,
Двери дома закрыв,
Увели вас куда-то.
Взяв судьбу за узды
И храня как святыню,
Три далеких звезды
Светят вам и поныне!

ВЕЧЕР

Вечер, хмурый господин,
Заглянул в окно.
За столом сижу один,
На столе вино.
Скатерть белая в цветах
И огонь в печи,
А душа-то вся в шипах:
Давит боль в ночи.

Выйду молча на крыльцо —
В небесах звезда.
Ветер дует мне в лицо,
Будто в те года.
Сто исхоженных дорог,
Тяготы в пути,
Положу я на порог —
Мимо не пройти.

А проснувшись поутру,
Слыша детский смех,
Душу всю перетряхну,
Отмолю свой грех.
И уйдет тоска-печаль
В тридевять земель,
Открывая снова даль,
Где звенит капель.

Вечер полог опустил
И закрыл мой дом,
Все, что было, не забыл,
Не покрылось мхом.
Буду журавлем лететь
К будущей весне,
Буду песни снова петь
О любви к тебе!

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Белый лист бумаги,
Черный карандаш,
Чутьочку отваги —
Кончен ералаш.

Строгими рядами,
По ранжиру строй,
Буквы будто сами
Лихо рвутся в бой.

За слогами — слоги,
За строкой — строка,
Не прося подмоги,
Вывела рука.

И ложится снова
Незаметный штрих,
С теплотою слова
Народился стих.

Так в ночи страдая,
Потеряв покой,
К музе возывая,
Я пишу... порой...

ЦВЕТУЩАЯ ВИШНЯ

Когда в одиночестве тихо грущу,
О прошлом, забытом, давнишнем,
Цветущую вишню увидеть хочу,
Цветущую вишню...

За все, что когда-то любил горячо,
Наивно, смешно, по-мальчишьи,
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

Подули ветра и осыпался цвет,
Расстались надолго, так вышло,
Но вижу сквозь призму потерянных лет
Цветущую вишню...

Как будто бы рядом любимой лицо,
В молитвах явил мне Всевышний,
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

Мне память забыть все никак не дает,
Сюжет тот до боли привычный,

В саду, по весне, там у старых ворот
Цветущую вишню...

Меня, как и прежде, в тот дворик влечет,
(Не может быть прошлое лишним),
Цветущую вишню целую в плечо,
Цветущую вишню...

* * *

Хороших слов немало
Звучит в осенней тишине,
И пусть тепла не стало,
Любовь еще живет во мне.

Кружит листва, играя,
Дожди занудно бьют в окно,
На беды невзирая,
Спешу я к милой все равно.

Сквозь годы и ненастья,
Храня чуть тлеющий огонь,
Желаю снова счастья
И в руки взять твою ладонь.

И, как рябина алая
Дрожит, страдая на ветру,
Душа моя усталая
Летит к любовному костру.

ПАМЯТЬ

Песня. Слова и музыка В. Виноградова

1

Пылал закат багровым цветом —
Война вела свой счет.
Дымилась в сумраке планета —
Настал и наш черед...
Горело, рушилось, стреляло —
Шел беспощадный бой,
Земля от ужаса дрожала,
И кровь лилась рекой.

2

Сжималась страшная пружина —
Все выдержал народ.
И от Москвы до стен Берлина
Кровавым был исход.
В тех битвах зарождалась слава,
Победа к нам пришла.

Несокрушимая держава
Весь Мир тогда спасла!

3

Прошло с тех пор уже немало,
Но память все хранит.
Стоят бойцы на пьедесталах —
Святой огонь горит!
Застыли в мраморе и бронзе
Герои прошлых лет,
Останутся в стихах и прозе
Во славу их побед!

ОСЕНЬ

Песня. Слова и музыка В. Виноградова

1

Капают, капают капли дождя,
Листья шуршат под окном,
Ими укрылась сырая земля,
Словно цветастым ковром.

2

Лес опустел и пожухла трава,
Лужи блестят серебром,
С неба упала шальная звезда,
Осень вступила в мой дом.

3

Все замолкает — блаженство и тишь,
Птицы умчались на юг.
Вот и опять ты о чем-то грустишь,
Милый, единственный друг.

4

Ветер уснул на ветках рябин,
Низко плывут облака.
Золотом манят листья осин,
В темных излуках река.

5

Капают, капают капли дождя,
Тает расплывчатый след.
Память о прошлом надежно храня,
Осень слагает сонет.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ИЗ КНИГИ
«СИБИРСКИЕ СОНЕТЫ»

Наш постоянный автор.

СОН? НЕТ!

Шторм закончился... Море открыто...
К горизонту стремятся мечты...
— Ну, плывем? — говорит Маргарита,—
В чем еще сомневаешься ты?

Перед нами — и солнце, и Ялта...
И — в бутылках и вне — виноград...
Сомневаюсь ли я? Это я-то,
Кто всегда приключениям рад...

В голове — вдохновения ветер...
Под ногами дрожит теплоход...
До чего ж хорошо жить на свете,
Уплывая от всяких забот...

Хорошо! Шторм ли, штиль впереди...
А сомненья давно позади...

НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

В ритме праздничного пира
Хорошо звучит — строка
За строкой — сонет Шекспира
В переводе Маршака...

Хорошо играет лира —
Воплощение мечты —
И смеется Катерина,
Гений чистой красоты...

Разве могут интересы
Быть иными в этот час?
И с прелестной поэтессы
Купидон не сводит глаз...

И клянется без прикрас
Ей в любви — в который раз!

ЖАЛОБА

— Все меня пытаются спойть,
Заставляют выпить и налить,
И следят с улыбкой на лице:
Кто я есть — в начале и в конце.
Я ж в начале — весел и тверез —
Отвечаю на любой вопрос,
А в конце — грустнею и молчу
И — хмельной — общаться не хочу.
И смотрю на тех, смиряя прыть,
Кто меня пытается спойть...
И, взбрыкнув, как заяц во хмелю,
Водку им за ши-во-во-рот лью...
Чтоб, упав, заснуть, к стене плечом,
И потом — не помнить ни о чем...

ЛИРИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Рояль в кустах и скрипка в небе
Играют о любви и неге,
Хлебнув бессмертного вина,
Которым жизнь была полна...
Или пьяна? Увы, не знаю,
Не слышу и не понимаю...
Как музыку без слов понять?
Но вот рояль звучит опять...
И скрипка,— ах, ему под стать...
И кто кого переиграет?
Гармония и благодать
Довольно редко — но бывают...
Где я, совсем не меломан,
Не соглашаюсь на обман...

НОВЫЙ ВЕНОК

Почему не доплетен венок сонетов?
Потому, что кончилась любовь!
И от всех катренов и терцетов
У поэта стынет в жилах кровь...

В ссылку, в Понт Эвксинский, путь неблизкий...
Море... Небеса... И голоса:
— Дайте, что ли, рома! Или виски...—
Рвутся штормовые паруса...

Перепеты прошлые сонеты...
От начала до конца пути
Нет вопросов — лишь одни ответы
И проблемы... Господи, прости!

Может, в долгой ссылке, выйдет срок,—
Новый — будет — доплетен — венок...

СТРУКТУРА СОНЕТА

Учитель мне давал советы,
Все время,— как писать сонеты...
И как не нужно их писать...

И все вопросы и ответы
(О, Муза вдохновенья, где ты?)
Он заносил к себе в тетрадь,
Чтобы потом трактат издать:

«Структура вечного сонета» —
С подзаголовком — «для поэта,
Желающего мэтром стать»

Вот эта книжица его.
Кому она? И для чего?
В сонетах нынче мало проку,
Все пишут Хайку, или Хокку...

ИЗ РОМАНА «ПРОЩАЙ, СПИРТНОЕ!»

* * *

Мы пили, каждый — озабочен —
Сухие вина и не очень...
Портвейн и вермут, и коньяк...
И водочку... Да еще как!
И ром, и виски, и агдам...
И бормотуху — стыд и срам! —
Среди сомнений и забот —
Из года в год, из года в год...
И вот, на грани бытия
Свою цистерну выпил я...
И не беру ни капли в рот...
Хотя забот — невпроворот...
Но для гостей — хоть не вагон —
Есть настоящий самогон...

* * *

Я без музыки устал
И себя страшиться стал...

И устал болеть от страха,
И хочу послушать Баха...
Ах, чего же я боюсь?
На душе — тоска и грусть...
Помоги мне, Иоганн!
Органист, включи орган!
Помнишь, помогла когда-то
Мне органная токката...
Ну ж, играй! Что медлишь ты?
Посредине темноты
Поглощают боль души
Чуть живые витражи...

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1985-й ГОД

Вино шумело в голове,
Как Черноморская волна...
И пела, радуясь молве,
Массандра, полная вина...

Когда в Форосе, что есть сил,
Издав указ, без лишних слов —
Сам — виноградники рубил
Почти не пьющий Горбачев...

Сук, на котором он сидел
И вдаль глядел — меж славных дел —
Как гром, по всей Руси трещал...
И счастье людям обещал...

Прошло с тех пор немало лет...
А счастья не было, и нет...

* * *

— Знаешь, Муза, Ангел мой,
Что мы сделаем с тобой?
Мы с тобой, увы и ах,
Сочиним роман в стихах!

— Что? Роман? Пожалуй, нет —
Лучше сочиним сонет!
Пусть он бродит меж людьми
Как признание в любви!

Пусть его и там, и тут
Все влюбленные поют!
А потом читают вновь
Все романы про любовь...

Даже и не возражай!
Запеваю — подпевай!

ХОРОШИЙ СОНЕТ

*«Хорошие стихи отличаются от плохих тем,
что они хорошие»*

Советская народная мудрость,
которую любит цитировать Евг. Попов

Евг. Попов, прозаик от сохи,
Пережив в Москве года лихие,
Стал писать хорошие стихи,
Позабыв, как пишутся плохие...

И к хорошим приучил меня,
Незабвенных классиков ценя...
Не случайно, сохранив уют,
Нас в ПЕН-центре вновь два стула ждут...

И встречает, словом дорожа,
Катя Турчанинова, душа...
И готова каждый наш глагол
Занести — навеки! — в протокол...

Ну, а мы — поэты от сохи —
Дарим ей хорошие стихи...

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

С ГОДАМИ БЫЛОЕ ВСЕ БЛИЖЕ

Наш постоянный автор.

ДЕТСТВО

Луговые опята,
Пескари из реки...
Не забыл я, ребята,
Всем годам вопреки,

Радость летних каникул
И следы босых ног,
Сенокос, землянику,
Недозревший горох...

Было просто и свято,
Мир открытый, как дверь.
Помню все я, ребята!
Только где вы теперь?

СЕНОКОС

Уводит память —
в прошлое тропинка.
И мне уже из белой полосы
Привиделась июльская картинка
Со звоном отбиваемой косы!

Свод неба, словно
синей гладью вышит,
В зените солнцу быть уже пора
И лучики его сквозь щели крыши
Высвечивают, как прожектора,

Пространство сенника пронзая косо.
И перезвон меня заморозил:
Лежу, малец, вернувшийся с покоса,
Где с бабами я сено ворошил.

Призывает помолиться,
За окошком — лунный шар,
От печи тепло струится,
В плошке — луковый отвар.

Кипяток клокочет глухо,
Бьют весильные ключи,
Небывалым сдобным духом
Насыщались куличи.

И от сна не шло спасенье,
В ожиданье не спалось...
А Христово Воскресенье
Только утром началось!

МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

Не забыть материнский наказ,
Мне понятнее стал он сейчас,
Нет, об этом не скажут вожди:
«Если видишь — дурак, отойди!»
Столько в мире у нас дураков,
Что не хватит на всех кулаков!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сердце птахою поет,
Все же возвратился!
Путь-дороженька ведет
В дом, где я родился.

За окном волнуют глаз
Травы из проталин.
И слеза не на показ,
Так сентиментален.

Поезд медленно идет,
Грусть мне навевает:
Вдруг уже никто не ждет?
В жизни все бывает.

ОТЧИЙ ДОМ

Рок и милует, и судит!
Но не думал я о том,
Что родителей не будет,
Опустеет отчий дом.

Сердце давит, словно клещи,
Их оплаканный уход:
Те же стены, те же вещи,
Только дух, увы, не тот!

Ирина Васильева

(пос. Шварцевский Киреевского района
Тульской области)

Ирина Владимировна Васильева окончила Тульский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков и Заочный народный университет искусств, факультет станковой живописи и графики.

Работала преподавателем, переводчиком, художником-оформителем. В настоящее время — преподаватель английского языка. Стихи пишет с 2003 года. Занималась в литобъединениях Москвы «Клуб одного стихотворения» под руководством Р. Ф. Казаковой, «Берендей» и «Щукино». Печаталась в нескольких сборниках в Москве и Киреевске Тульской области. Основные темы стихотворений — пейзажная, философская лирика.

СЕНТЯБРЬ

Слетел на крыльях стрекозиных,
Румянцем яблочным расцвел,
Сквозь ветки трепетных осинок
Прохладным гребешком провел;

И пахнет медом и картошкой;
Как верный друг, порой грибной
Лесной пестреющей дорожкой
Гуляет под руку со мной;

И астр роскошные созвездья
Подарит мне от доброты,
Со мною в электричке ездит,
Раскрасив листья, как цветы.

Мы улыбаемся друг другу,
Не верится в морозы нам;
Я в январе, сквозь лед и вьюгу,
Улыбку вновь ему отдам.

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Апрельское утро размыто дождем,
И холодны отблески крыш...
Давай под жемчужное небо пойдем
Послушать весеннюю тишь.

Сегодня задумчивы окна в домах —
И осенью веет от стен;
Но бисер веселый расшит на ветвях
Руками шальных перемен.

Сережек коралловых россыпь зажглась,
Неярки фонарики верб,
А ивы стоят по-цыплячьи пушась
И радостно тянутся вверх.

Биением жизни на пульсе весны
Сквозь бледную охру земли
Травинки, восторженны, удивлены,
В чарующий мир проросли.

В пастельной палитре есть броский мазок:
Землей, как ладонью согрет,
Расцвел мать-и-мачехи скромный цветок —
Застенчивый солнца портрет.

И, кажется, счастья заветный исток
Здесь, рядом. О чем ты молчишь?
Ты прав: между душами тонкий мосток
Построит весенняя тишь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Утомленная шумной Москвой,
В отчет крае ищу я покой,
Где сразил меня звон тишины
В темный вечер в начале весны.

Здесь на душу легли все тропинки,
Как лица дорогого морщинки;
В годы давние снова зовут —
Только юности мне не вернут...

Я приду будто в сердца музей
И увижу ушедших друзей
Там, где школы застыли руины,
Где сплетаются ветви рябины.

Жизнь, бурлившая вольной волной,
Отступила — и берег пустой,
Поле дико, и замер завод —
Чистый воздух нектаром плывет

И несет хлопья белого снега,
Эта с неба упавшая нега
Заврачивает усталую душу
И костер ностальгии потушит.

ДЕЖАВИО НА СКОРОСТНОМ ШОССЕ В ВИРДЖИНИИ

По горным вирджинским дорогам
Я еду в полуденный час,
Вдруг вижу: в движении строгом
Шоссе привело на Кавказ!

Вот сосны к дороге спустились —
Я в лица гляжу им в упор:
Друзья, как же вы ухитрились
Покинуть Серебряный Бор?

Вдали — черепичные крыши,
Игрушечный чист городок,
Шоссе поднимается выше,
Ах, путь мой до Тулы далек.

И снова гора вырастает,
Как сказочный сон наяву;
Но память шалит и играет:
Я вижу Сибирь и Москву.

И, тихим восторгом болея
В Америке, в горной тиши,
Я тайно и свято лелею
Славянскую верность души.

Я шарик верчу на ладони,
Мой маленький шарик земной;
Умчатся вирджинские кони,
А Родина вечно со мной.

* * *

Деревья снова потеряли
Недолговечную красу,
И тучи замерли в печали
И держат слезы на весу.

В холодных беззащитных кронах
Заснул замолкший ветерок,
О днях веселых и зеленых
Грустит у леса мокрый стог...

Брожу одна я в роще темной —
Мне по душе печальный вид;
К любви безмерной, неумной,
Как прежде, сердце не бежит...

И счастья нет, и счастье — было,
Здесь, в тихой глубине аллей,

Где снова облик давний, милый,
Мне чудится среди ветвей...

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Ты свернулся в уголке —
Потерялся или брошен?
Подойди сюда, хороший,
Не гляди в немой тоске.

У тебя янтарный взгляд,
Светится душа живая,
Придавила доля злая —
Кто же в этом виноват?

Мне ль не знать твою беду —
В городе брожу бездомной;
Поделюсь краюхой скромной,
И в сторонку отойду.

Ты прости меня, дружок,
Я тебя не забираю,
Плача, сердце запираю
На бесчувствия замок.

Но, как вор, замки снесет
Крик души в ночи глубокой:
«Кто от участи жестокой
Обездоленных спасет?»

* * *

Опять осенняя прохлада
Минорной музыкой звучит...
Спустилась осень — как награда,
Как просветленная отрада,
И душу лечит и щемит.

Дождями улицы размыты,
О чем-то шепчет листопад...
Ночные звуки в воздух влиты,
Как чистые слова молитвы;
Их музыкой наполнен сад.

Рассвет рождается в тумане —
Всему свой ритм и свой черед...
Кричат грачи в холодной рани...
Играет осень на органе,
Птиц провожая в их полет.

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Хочешь или не хочешь —
Только зима придет:
Ветер в холодные ночи
Последние листья сорвет.

Тяжкие тучи в зените
Лунный похитили свет;
Бродит туман медлительный,
В белесую сырость одет.

Зябко бездомной собаке
И одиноко в ночи;
В старом парке во мраке
Озвучили грусть сычи.

Памяти теплые нити
Мне не вернут летних нег...
Вспоминанья, вздохните
И лягте травкою под снег.

В ПОЕЗДЕ

Я в поезде словно в восторженном сне —
Родные пейзажи мелькают в окне:
Вот роскошь сирени подарена маю —
Я взглядом в цветенье садов утопаю;
Вот тополь в сиянии теплого дня
Как будто зовет: «Посмотри на меня!»
Игривы березки, а елочки строги;
Домишки приклеились к самой дороге,
За ними просторы до края земли;
А вот и речушка блеснула вдали,
Колдуют над нею печальные ивы,
Мосток деревянный повис сиротливо;
А поле подставило небу лицо
И дышит дождями, и пахнет пыльцой...
Ласкается ветер в окошке открытом
И шепчет о детстве, далеком, забытом...

К земле я пошлю мотыльком свою душу,
Чтоб в хоре весны голос Родины слушать.
О тяжком труде в этой песне поется,
О хлебе, студеной воде из колодца,
О поле широком, о доле безвестной,
О жизни простой, и понятной, и честной...

Торопится поезд — куда он несется?
— За счастьем, как видно, — быть может, найдется?

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Миг колебаний вечен...
Я трогаю звонок,
Бесстрастностью помечен
Слепой дверной глазок.

Зачем себя унижу?
Зачем пройду сквозь строй?
Но — я тебя увижу,
Скорее дверь открой!

В глазах твоих читаю
Холодный приговор —
Бледнею и сникаю,
Как будто чувства вор.

Последнее свиданье...
Дверь от меня запри,
Моим существованьем
Меня ты не кори.

Молчи — не злясь, не каясь;
Я не приду опять...
В слезах во тьме теряясь,
Тебя не буду звать.

Нелепость этой встречи
Рассыплется стыдом
В осенний поздний вечер,
Убитый первым льдом.

* * *

Блестит дождем прозрачная прохлада,
В жемчужном небе скрылась солнца бледность;
Деревьев роскошь и деревьев бедность —
Что за отрада — время листопада.

Колдует магия преображенья;
Ложатся в душу красок переливы,
И в криках птиц осенние мотивы,
Туманов грусть, и облаков брожение.

Неощутимо ветра дуновенье.
Размытый тучи край с небес сорвался,
И мир в осенней ласке искупался.
В задумчивости замерло мгновенье.

Танцует дождик, струями играя;
И мир теперь другой, и я другая;
И, уходя от лета безвозвратно,
Душою больше не стремлюсь обратно.

Евгений Грачев
(г.Саратов)

БУМЕРАНГ

Евгений Грачев — член Союза писателей России, автор более 20 книг, по его сценариям снимают мультфильмы, автор многих песен известных российских исполнителей, стихи печатаются в журналах: «Наши современники», «Юность», «Европейская словесность», «День поэзии», лауреат Всероссийской литературной премии имени А. П. Чехова, премии имени С. Я. Маршака, Международной премии «Вечная память» и Международной премии «Светить всегда» Лиги писателей Евразии.

СТРАНА КОНТРАСТОВ

Россия — страна караваев,
Икры и домашних блинов.
Россия — страна краснобаев,
Рассказчиков и молчунов.

Россия — страна поэтов,
Здесь Пушкин, Есенин, Блок.
Россия — страна секретов,
Сапожник, считай, без сапог!

Россия — страна космонавтов,
Ученых и дураков,
Россия — страна контрастов,
Как Питерка и Петергоф!

Мне будет ночами сниться
Придуманный кем-то мир,
Нева — русских рек царица
И старый больной — Изнаир.

Гусаров ряды, уланов,
На солнце блестящий штык,
Каскады Петровских фонтанов
И мелкий, как рыба, родник.

Приснятся топор и плаха,
По роще разбойничий свист.

Россия — страна размаха,
В размахе российский смысл!

Приснится — беда колоколен,
Глумление и позор,
Кем выстрадан и намолен
Исаакиевский собор?

Приснятся то турки, то шведы,
Война за войною, страх.
Все проигрыши и победы
На чьих укреплялись костях?

Россия — страна огромных
Пространств, но не пустоты.
Россия — страна влюбленных.
Со мной не согласна ты?

Здесь знают и верность вдовью,
Здесь знают, как любит мать,
Кого здесь пугать любовью
И чем-то еще пугать?

Придут холода, болезни,
Как с дуба сдерут кору,
Россия в глазах исчезнет,
Исчезнет — и я умру!

Родится другой Евгений
И скажут ему: «Дуралей,
Россия — страна сновидений,
Похожих на жизнь людей!»

БУМЕРАНГ

Сердце в трепете, сердце в трепете,
Трудно в ритме тревожном жить,
Вы кого-то еще зацепите,
Как Вам, грешнице, не зацепить!

Я не часто бываю клоуном
В тертых джинсах и парике,
Нерешительным и взволнованным,
С сердцем, прыгающим в руке.

Это — радостное волнение,
Будто теплой накрыло волной,
Вы — коварное исключение
Из всего, что случалось со мной!

Сложное — не объяснишь,
Просто — не получается,
Может, душа облучается
С «вредной» душою, малыш.
Сложное — не объяснишь?

Чувства стереть легко
И с облучением напутать,
Знаешь, не очень круто —
Если душа — решето.
Чувства стереть легко?

Нервно грустишь-грустишь
И вспоминаешь мгновенья —
Стертые «облученья» —
Это любовь, малыш?
Это любовь, малыш!

ИНОПЛАНЕТЯНКА

У нее косички, как антенны,
В узелочках бронзовых, тугих.
Обретала чувства постепенно,
И не вспоминала о других.
У нее, наверно, где-то мама,
Красная планета на оси
И была просрочена программа,
Я сказал ей: «Новой не грузи,
На былые экстренные факты,
Все равно, наложен четкий код.
Наплевать на схемы и контакты,
Там, внутри, как радио, поет?»
У нее косички, как антенны,
В узелочках бронзовых, тугих.
Обретала чувства постепенно,
И не вспоминала о других.
Поменяла улицу, квартиру,
Ночь на утро, платье на пальто,
И как звук, щемящий по эфиру,
Вырвалась в пространство — вот и все.
О, моя веселая случайность,
Как в пустыне крепость и фонтан,
Как картина с надписью «Фатальность»,
Из каких ты инопланетян?

Виталий Свиридов

(г. Алчевск, Луганская Народная Республика)

ГОЛГОФА НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

(поэма)

Родился в г. Брянске 18 октября 1947 года. В детстве переехал с родителями на Донбасс. Художник-оформитель. Живет и работает в Луганской области. Член Межрегионального союза писателей, лауреат литературных премий им. Владимира Даля, Бориса Горбатова, Владимира Гринчукова. Автор книг «О поэзии и не только», «Великое счастье идти», соавтор двадцати коллективных сборников. Литературные пристрастия: поэзия, проза, литературная критика, эссе.

В ночь с 11 на 12 февраля 1852 г., за восемь дней до своей физической кончины, гениальный русский писатель Н. В. Гоголь сжег почти завершенную рукопись второй части романа «Мертвые души» — своего главного литературного наследия, призванного содействовать нравственному переустройству российского общества...

— В моем обиходе нет слова «здравствуйте»;
К здравую, у меня особое отношение.
Хотите со мной познакомиться?..
Ах, не желаете,— принимаете за наваждение?!
Вам, видимо, что-то не нравится?!
Бросьте!..— не о чем сожалеть;
Я уйду, но доверяюсь вашей памяти...
И спиной повернулась Смерть.

И спиной повернулась Смерть,
Только взглядом косым обожгла:
«Если хочешь со мной улететь,—
Заверши все земные дела»,
И кивнула — на топку камина...

— Экий бред в предрассветную рань!
И привидится же чертовщина...
Померещится всякая дрянь!

Ветер в ставни, студёный февральский,
Бил всю ночь, обессилив под утро.
Николай Чудотворец Диканьский

Над больным наклонился как будто;
И на старославянском наречии, с высоты,
Где нет смерти и страха,
Отзывалась на боль человечью Аллилуйя
Под музыку Баха:
Да бродяжное эхо, как песня чумаков
«Від чумацького шляху»,
Повторяло настырнее смеха: —
«Важный маляр був — мыр його праху...
Важный маляр був — мыр його праху...»

— «Важный маляр був». — Вот наказание!

Важный маляр був... Ні-і-і,— він ще є!..

Чур!.. Недоброе напоминание
Тенью двинулось по стене...
Замигали зажженные свечи
Дружно, в такте со скрипом полов,
И улегся к больному на плечи
Мертвый холод из темных углов.

В драматическом форте финала,
В голове неумная мысль
То смиренно к земле возвращалась,
То бросалась с молитвою ввысь...

Все предвидено Промыслом Божьим,—
Всякий долей своей наделен:
Крест Голгофы — святым и осторожным,
Крест погоста — таким, как Симон...

Ночь кончалась библейским сюжетом: —
«Крест нести на Голгофу поможет Симон»...
И больной, что-то силился вспомнить при этом...
Вспомнил вдруг, и позвал еле слышно: —
«Семе-е-н... Семе-он!..»

Восемь суток как, вроде, не спал
камердинер — чахнет барин...
— «Не пьет, и не ест... да и вправду сказать,
Все не ладится в мире, но зачем же
Безвременно — крест?!»
Разве мог он понять, бедный мальчик-слуга,
Отчего жизнь для барина не дорога?!

Ой ты, Русь моя!
Русь — не сытая,
То росой,
То слезами

Умытая;
То привидишься

Птицей
Двуглавою,
То разбойником —
Грозным Вараввою...
То взлетишь над
Землей
Чудо-тройкою!..
Позади, следом,
Грязь
Подкопытная...
Все фантазии это,
И только!..—
От холопов
Царю челобитная.
Не приемлет
Чванливое
«Жречество»
Бури Вестника,
И катастрофы...
Глас пророка
В своем
Отечестве —
Гром небесный,
Но, после
Голгофы:

После ереси, и осуждения — на экзекуцию,
На унижение... До искупления грехопадения
Смертью и Таинством Преображения.

В самых емких словах не вмещаются чувства,
И не терпят они многосложные строфы,
И какая же пытка, на грани безумства,—
Речь свою переплавить на образ Голгофы...
На неявную видимость явленных сроков,
От которых и небо гудит как набат,
Чтоб пророчеств святых, и врожденность пороков
Приумножить значением в тысячу крат!..

Впрочем, нам недосуг — не резон отвлекаться:
«Весть Благая» для многих досужая сказка...
Час торопит: — к больному пора возвращаться,
Кризис кончился. Скоро развязка.

Суетилась не в меру врачебная свита: —
«Воду на голову... тело в корыто...
К носу-пиявки...
Пиявки поставьте!»...

— Ах, оставьте меня! Ах, оставьте!..
Больно мне... больно!.. В темени жжение...
Дайте мне лестницу!..
Лест-ни-цу дайте
для восхождения...

Изможденное тело уложили в кровать.
В рот залили вина от припадка...
Потрясенный слуга слез не мог удержать,—
Он невольно услышал: — «Как сладко...
Ах, как сладко мне умирать!..»

Вся Земля и окрестность Земли —
ненадежная вотчина.
Цепь событий земных прервалась со словами: —
«Все кончено!» И в сознание втиснулся мрак,
Потревожив больного некстати,—
Это память его
возвратила назад —
в лоно матери;
Там, под толщей спрессованных лет,
от рожденья до смерти,
Ярко вспыхнул забытый сюжет
неземной круговерти:
В нем отеческий голос зывал
Сквозь пространство, и жуткие пропасти
Наполнялись блаженством любви и невесомости.
Ликовала душа, упиваясь азартом восторга...
Отстраненное тело лежало уже не дыша;
И душа подчинилась святому велению долга,—
В карауле,
вблизи над покойным,
застыла душа.

Вот бывает: неведомо как живет человек,—
Для страстей и пристрастий людских,
неудобная птица...
А когда, утомленный свободой,
закончит свой век,—
Люди разных сословий придут,
Чтоб ему поклониться.

Умер Гоголь.
Талызинский дом.
Перекрыли проезд по Никитской.
Вся Москва скорбный путь осеняла крестом,
До могилы в земле монастырской.
И казалось — весь мир занемел...
В русском храме высокой словесности,
Слово стало подобным зерну, без плевел,

В житном хлебе насущном для Вечности.
Жил и помер с надеждой любви на губах;
Клал себя на алтарь безысходного дела,
Зная — жизнь подытожится в прах...
Как же с этим, душа его не очерствела?

Мир — не мерян. Мы — в нем, а Он — в нас.
Две сажени земли на мандат атеиста...

В двух сажнях земли целый мир удержать?!
О, как это лукавство неистово!
Ах, Создатель Всесущий,
 как Мир твой не прост!..
Мир — над бездной времен провисающий мост!

Но, оставим земное земному,
В исполнение Судного дня: то ли жертвой
Дождю проливному, то ли —
 в жертву стихии Огня...
И на этой пронзительной ноте,
Нарушая кармический лад, —
Не вперед мы посмотрим, напротив —
На мгновенье вернемся назад:
За черту горизонта событий,
Где фатальным не кажется Рок...
Где славянской души возмутитель
Отзвонит свой «последний звонок».

Да простит мне Всевышний, —
Отслеживать еретический дух этих строк,
Все равно, что руками удерживать
Мыслей, образов горний поток!

Ни-че-го!..
Ничего в измененном сознании,
Хоть кричи на весь мир, хоть молчи —
Только нервная дрожь покаяния
 на губах,
Только пламя свечи...
Да под сердцем змея окаянная —
Родовой не прощенный грех, —
Видно, было не впрок наказание
 на кресте —
Одного за всех...

Слаще патоки голос вкрадчивый
Зазывает в «калашный ряд»: —
«...И богаты там, и удачливы...
Там — и «рукописи не горят!..»
И торопится Сила вражия
 все уладить до петухов...

Дескать, против пойдешь,—
так и... заживо!
Коли с нею — на веки веков...
— Одолел душу враг человеческий,—
Ты прости ее, Господи!
Огради ее святоотечески
от противной ей проповеди.
Глаз хоть выколи!..
Время за полночь;
Без молитвы — совсем невмочь...
Ты помилуй мя, Господи!..
Ты прости меня, Господи!..
Помоги мне, о Господи, пережить эту ночь.

А за окнами вьюга Яга,
И хотя до весны два шага,
Но дорогу домой в Малороссию,
От Москвы, поглотили снега.

Жизнь... Не жизнь — анимация воздуха,
Незатейливая пантомима,
С жадной страстью последнего вздоха,
Ускользя, промчится мимо;
Но пока еще зубы стиснуты,
И пульсируют кровью вены,— дело!..
Дело еще «трэба здійснить»...
Где-то дрыхнет слуга?! — Эй, Сэ-мэ-нэ!..

Вне согласия с чувствами мой лексикон:
Безысходность словами невыразима!..
Безусловно ли, что «перейти Рубикон» —
Равнозначно падению Рима?!
«Перейти Рубикон»... Роковая река,—
Тайных помыслов пуповина...
— Перейди, литератор, и не дрогнет рука
Бросить рукопись в топку камина!..
— «Что ж ты медлишь, язычник?
Брось жертву в огонь!..
Горстку пепла оставь,— положи на ладонь:
Видишь, сколь смехотворна ничтожная жизнь?!
Паству к Богу ведешь?!.. Ха-ха-ха!..
Вокруг оглянись!
Ты почти угадал — всюду мертвые души...
Даром силы не трать: поводырь им не нужен!
Жги!.. Довольно страдать тебе, будет!
В жертве кто упрекнет тебя, или осудит?!
Разве не было сказано в Древнем писании: —

Все!.. Все вернется в Огонь,
и восстанет из пламени».

— Мысли въедливы,— хуже назойливых мух...
Как силен, как затейлив злой дух!..

Наша жизнь — краткий миг
В часовом механизме Вселенной;
В «Книге Судеб» листает страницы
Космический ветер...
Кроме Таинства Смерти
И Тайны Любви сокровенной,—
Что еще
Человека разумного
держит на Свете?!

Александр Дивеев
(г. Ртищево, Саратовская область)

**«НА РУСИ ЖИТЬ
БЕЗ ДОБРА УСТАЛИ...»**

Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольцино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Выпускник Саратовского экономического института. Автор поэтических книг: «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви». Публиковался в различных журналах. Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014». Живет в городе Ртищево Саратовской области.

ЖУРАВЛИНЫЙ РОМАНС

Солнце. Тишь. Прохлада
Над рекой и полем.
Цвет губной помады
Поменяли зори.

Горизонт в корсете
Серебристой дымки.
Паучки, как сети,
Тянут паутинки.

Синь небес латает
Облаками осень.
Теплый вечер. Стаи
Листьев бьются оземь.

Над рябиной рыжей,
Над дорогой длинной —
Плач романса слышен
Скрипки журавлиной...

ЗИМНЕЕ УТРО

Солнечно ли, пасмурно иль выюга —
Все равно в семье заведено:
По утрам, похлопотав, супруга
Открывает в зимний мир окно.

На рябине ждут уже синицы.
Воробьи — на сушке бельевой.
Сытный корм зимой им только снится,
Впроголодь летают день-деньской.

И отлив становится кормушкой.
Отдыхает авитаминоз:
Семена подсолнечника, крошки,
Сало, рис, пшеница и овес.

И свои права, душе на радость,
С птичьими правами уравнивая,
Жду, когда же, наконец, отрада
Своего накормит журавля.

Не замедлит «скатерть-самобранка».
В дверь стучатся. За порогом, глядь,
Снегирихой юная цыганка
Просит тихо что-нибудь подать.

Хлеба, сала, денег — все дал в меру.
Посулила отдых на Бали.
Я-то думал, что пенсионеру
Пенсию «в кормушке» принесли.

Воробьи вытягивают шейки,
Глядя с удивлением в окно.
Улетели. Я читаю «...Швейка»,
Только отчего-то не смешно...

КУЛЕМА

Фотографий на стенке немало:
Мать, отец, муж, невестка, сынок...
И все видели: снова упала,
О родимый споткнувшись порог.

Как, заплавав от старческой боли,
Утешала себя: «Невзначай».
А надясь — вместо сахара соли
Намешала в малиновый чай.

Для нее не осталось опоры.
Все зовут за собой облака.
Сердцем чувствует старая: скоро
Сын приедет за ней. А пока...

Не сидится без дела кулеме
(Так, себя упрекая, зовет).
Посшибала траву возле дома,
Дескать, тут еще кто-то живет.

Телефон... Сразу сбилось дыханье.
«Не дозовишься? Как до Кремлю!
Как я тут? Да все отдыхаю,
Телевизор смотрю да дремлю...»

Затуманилось сердце надеждой,
Что не скоро уедет, хоть впрок
Припасла черный узел с одеждой
И землицы родной узелок...

За чужие ль грехи или просто,
Что душою уж больно светла —
Бабка мимо родного погоста
На чужбину свой крест пронесла...

ТЫ УХОДИШЬ ВСЕ ДАЛЬШЕ...

В дорогое окошко мне теперь уже не достучаться.
А зеленая краска, словно листья, пожухла на раме...
Я сюда вырывался — Боже праведный, каюсь! — нечасто,
Говорил, улыбаясь: «Вот и я! Не ждала?
Здравствуй, мама!»

Вечер тихий приветил тишиною за отчим порогом.
Старый пруд и деревня в звездном свете опять утонули...
Ты уходишь все дальше по дороге, где ходят и боги.
Я в сомненьях терзаюсь: «В жизни вечной тебя догоню ли?»

Предназначено роком мне во мгле долгих лет раствориться,
В изумленье ль с обрыва полыхнуть огнегривым болидом,—
До последнего дня я в одиночестве буду молиться,
Чтобы светел был путь твой в темном холоде царства Аида.

...На невзгоды не сетуй. Бренной жизни поток быстротечен.
Все же счастлив ты, если осознал в сонме грусти и гама,
Что живешь-то всего-то ради светлой единственной встречи,
Ради слов несказанных: «Вот и я! Не ждала?
Здравствуй, мама!»

ОГНИ

От любви мне стало холодней,
И давно от страсти не пьянею...
Гонит Муза, гонит лошадей,
Я не знаю, что творится с нею.

Гаснет вечер, ночь уже близка,
И ямщик мой плетки не жалеет.
Пышут жаром вороных бока,
Дождь холодный душу мне лелеет.

Далеко ли? Времени в обрез?
Это, друг мой, лишь Всевышний знает.
Как благословение небес —
Призрачно огни вдали мерцают.

Кто-то все же пустит на ночлег,—
На Руси жить без добра устали.
С Музой, как с подругой светлых лет,
Проведу я ночь на сеновале...

Ветер, стужа. Рядом уж огни,—
Золотые, желтые, родные!
Только разлетаются они,
Как созвездий звездочки чужие...

ЗВЕЗДНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Если думы и грусть снова бранный покой мой нарушат,
Стану слушать в ночи, позабыв про усталость и сон,
Как в небесной тиши колокольчики звездные — души —
Разливают окрест свой хрустальный таинственный звон.

Он струится с небес, звон нисходит от звезд синеоких.
А его волшебства... ну, не много ли мне одному?!
И в колени свои я в раздумьях уткнусь, одинокий:
«Что случилось со мной? Почему ж я один? Почему?»

А в ответ огоньки тихо гаснут в полночных окошках
И сизифова грусть снова мается с камнем в груди...
Неужель заросли муравой к Вечной Жизни дорожки,
Поезд жизни земной все стоит на запасном пути?

Я невольно очнусь. Тишина — как на старом погосте.
Вот и время пришло закрывать Храм в предутренний час...
Может быть, звон пришел к нам в печали из Вечности в гости,
А возможно, звонят колокольчики просто о нас.

Станут звезды вокруг потихонечку блекнуть и падать.
Колокольчиков звон... Он Божественной лире сродни...
Переполнит к утру души звездные светлая радость:
Как же! — вспомнили их, если в окнах проснулись огни...

Константин Емельянов
(Александрия, штат Вирджиния, США)

Константин Емельянов родился в г. Алматы (тогда еще Алма-Ата), в Казахстане в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского университета и работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году.

Печатался в журналах «Юность», «Новый Журнал», «Бельские просторы», «Зарубежные задворки», «Чайка», «Северо-Муйские огни», «Новый континент» и других печатных и интернетовских англо- и русскоязычных изданий США, Германии, России, Казахстана и Индии. Постоянный автор «Приокских зорь».

«ЗАРНИЦА»

Пели всем классом про синюю птицу.
Пели в автобусе про поворот.
Все мы сегодня играем в «Зарницу»
И военрук нас ведет.
«Синие» ходят в атаку на «красных»,
За высотой падет высота,
Все оказались мы здесь не напрасно,
Все мы здесь неспроста.
Мать на пальто мне пришила погоны:
Не оторвет их чужая рука,
Буду награды высокой достоин
Если найду «языка».
Мы атакуем, мы отступаем,
Верим, что враг будет разбит.
Если погон оторвали — ты ранен,
Если же оба — убит.
Рано январское солнце садится,
В сумерках смех и крики слышны.
Вся наша школа играет в «Зарницу» —
Внуки прошедшей войны.
Пусть мы в атаку идем без винтовки,
Противогазов хватит не всем,
Но на зачете по начподготовке
Мы соберем АКМ.
Не испугают нас происки НАТО,

Рвать не устанет рука.
Мальчики-девочки семидесятых,
Дети полка.
А на обратной дороге уснули,
Тени на лицах ребят,
Ночью автобусы в город вернулись
И привезли всех «солдат»...

ДРУГ

Все в округе знают о тебе:
Белки, крысы, птицы и коты.
Убегают в спешной суете
Только за порог выходишь ты.
Мы бежим за ними налегке,
И в азарте ты оскалил пасть.
Я держу тебя на поводке,
На бегу пытаюсь не упасть.
Мы гоняем их до темноты
И на пол ты валишься мешком,
Наругавшись впрок, до хрипоты
С каждым встречным-поперечным псом.
Самый чуткий в мире слух,
Самый верный в мире друг.
Обниму башку твою лохматую,
Может, я когда-то тоже был собакою?
Ты положишь лапы мне на грудь,
Знаю я, что это неспроста:
Все пытаешься меня лизнуть
В губы, нос и прочие места.
Утром мне придется уходить
В непонятный мир чужих людей.
Ты меня захочешь проводить,
Но послушно ляжешь у дверей.
А потом, когда придет отбой,
И погаснет день пустых тревог,
Ты опять потащишь за собой
И растянешь тонкий поводок.
Самый славный в мире пес,
Самый мокрый в мире нос.
Мы живем без нежностей телячьих,
В моем шаге — два твоих — собачьих.

* * *

Я словно пробуждаюсь ото сна...
Была однажды пестрая страна:
Все краски шли когда-то в гости к нам,
Подобно распустившимся цветам.
Но что случилось? — Я не дам ответ:

В живых остался только серый цвет.
И тучи серых лиц кругом снуют
И тихо так по-серому живут.
В тот серый цвет окрашены дома,
Больница, министерство и тюрьма,
Течет он из журналов и газет —
Как-будто в мире красок больше нет.
У серых лиц есть серые мечты,
На серых клумбах — серые цветы,
Писатель серый ловит каждый миг,
И производит тонну серых книг.
Куда девались прочие цвета?
Иль я не тот, или страна не та?
Исчезли красный, желтый с голубым,
А серый все клубится, словно дым...

Сергей Редков
(г. Тула)

СОСЕД
(Поэма)

Наш постоянный автор.

В дверь позвонили ровно в шесть.
Я посмотрел в глазок.
Мужчина в форме УВД,
Широкоплеч,
Высок,
На кнопку яростно давил:
— Откройте, — говорил.
(Наряд полиции за ним
Шептался и курил).
Тревожно щелкнули замки.
Я дверь чуть приоткрыл.
— Соседа надо опознать,
Он мертвым найден был, —
Сказал инспектор. —
С кем он жил?
С кем ссорился, дружил?
И есть ли на примете тот,
Кто зла ему желал?

Я рассказал все то, что знал:
Что банку задолжал
Он много денег. Что отца
Зимой похоронил.
Гораздо раньше мать ушла.
Он часто, сильно пил.
За электричество и газ
Вдруг перестал платить.
Всего-то тридцать восемь лет —
Еще бы жить да жить!
Еще жениться мог. Еще б
Наследников родил.
Еще живой, дней пять назад,
Ко мне он заходил.
Просил займы. Я дал, а он —
Сознание потерял.

Упал. Очнулся.
— Заживет! — меня он уверял.
И лишь тогда увидел я
Разбитое лицо.
— Пойду к себе,— сказал он мне,—
Поговорю с отцом.
Захлопнул дверь.
И больше я
Соседа не видал.
И вот сейчас от вас узнал,
Что с ним стряслась беда,
Что найден труп,
Что должен я
Беднягу опознать...
Инспектор вытащил блокнот
И принялся писать —
«Дней пять назад еще был жив»,
«Взял деньги в долг» — учтем!
А может, что-нибудь еще
Вы знаете о нем?

Еще могу я рассказать,
Что с детства с ним знаком.
Как с горки на санях зимой
Катались с ветерком.
Как делали картонный шлем,
Из досок — грозный меч.
(Он в жаркой схватке тем мечом
Мне бровь сумел рассечь).
Как хулиганили вдвоем
В подъезде... до поры.
О прочих выходках шальных
Беспечной детворы...

Однажды
Разыгрались мы — дошкольники —
В десант.
Я был разведчиком, а он —
Отважный диверсант.
Фольгою спички обернув,
Собрали девять «бомб»
(О снаряжении таком
Мечтал бы сам Джеймс Бонд).
Посоветались.
Я хотел котельную взорвать
(Никто ведь за котельную
Не будет нас ругать).
Мой друг одобрил.
Взяв «снаряд»,
Пришли в соседний двор.

Но на пути —
Из плит бетонных
Высится забор.
Для стока под забором тем
Имеется труба.
Бутылок битых в ней полно —
Стеклянная крупа,
Клочки бумаги,
Веток сор,
Застывших стоков грязь.
— Иного к цели нет пути,—
Сказал он мне.— Залазь!
Трубу, как змейка, проползешь.
Котельную «взорвешь».
И незаметно для людей
В трубу опять скользнешь.
Я буду дожидаться здесь.
— Постой! — опешил я,—
Да разве поступают так
Хорошие друзья?
— Конечно! — отвечал он мне.—
Свой уступлю черед:
Ведь самый храбрый из героев
Первым в бой идет!

Приятны сердцу моему
Доверие и лесть.
И, как герой, я в ту трубу
Один решил полезть.
«Я самый смелый из людей» —
Себе я повторял.
Протиснулся на метра два и...
Намертво застрял.
— Скорее вытащи меня! —
Я другу закричал.—
Я задохнусь здесь.
Вызывай
Пожарных и врача!
— Да подожди ты, не кричи,
Сам справлюсь как-нибудь.
Подумать надо мне...
Ага...
Перевернись на грудь.
И вдруг как гаркнет во всю мочь:
— О, нет! О, нет! Мой Бог!
К тебе крадется по трубе
Ужасный Бандерлог!
Спасайся! Протолкни себя!
Вперед ты должен лезть!
И если сдашься ты как трус,
Тебя он станет есть!

От страха я, не помню как,
Колени все содрав,
Трубу покинул и упал
В ковер зеленых трав.
Потом поднялся. В голове
Бурлила кровь, звеня.
Калитку сторож отворил
И выпустил меня.
Ко мне товарищ подбежал:
— Я сделал все, что мог.
Я посмотрел по сторонам:
— А где же Бандерлог?
— Ты что, не знаешь, Бандерлог —
Из сказки персонаж,
А персонаж — не частый гость
Из мира сказок в наш.
Я рассердился.
Я хотел
Его ударить в глаз.
— Постой! — взмолился он, — не бей!
Ведь я тебя же спас.
— Ты прав, — ответил я. — Тогда
Давай опять дружить.
Задание должны успеть
Сегодня завершить.

Объектом мести стал забор.
В нем трещину нашли,
Воткнули «мины». От стекла
Лучом «фитиль» зажгли.
И сера вспыхнула, фольгу
Прорвав. Ура! Ура!
Забор повержен, и теперь —
Отпраздновать пора.
Идем гулять в Центральный парк.
Среди дубрав и рощ,
Обсудим скорость крейсеров,
Немецких танков мощь.
Потом поспорим о судьбе
Героев «Звездных войн»,
И в пруд булыжник запульнем —
Устроим пляску волн.
Жуков, кузнечиков найдем
И сложим их в конверт.
А напоследок — эскимо!
Божественный десерт.
Вот счастья истинного пик
Для молодых мужчин.
Еще не надо ни подруг,
Ни званий, ни машин.

Еще не спрятался в шкафу
Грехов твоих скелет,
И мир понятен,
Добр и прост,
Когда тебе — семь лет...

Мужчина в форме УВД
Меня остановил:
— Признаюсь вам,— сказал он мне,—
Рассказ ваш
Удивил.
Но,
Мемуарами о детстве
Делу не помочь.
К тому же, можно слушать их
Весь вечер и всю ночь.
А может, что-нибудь еще
Расскажите вы мне —
О предпочтениях его,
Характере, семье?

Его семья в те времена
Считалась образцом.
Известным дед в районе был
С преступностью борцом.
Носила бабушка медаль
Героя соцтруда
(Ведь без геройского труда
В те годы — никуда).
Всегда приветлива, добра,
Гостей встречала мать.
За стол посадит, а сама —
Жаркое вынимать.
Как с кухни всех сводил с ума
Сладчайший аромат!
Из комнаты своей за стол
Пришли сестра и брат.
Цыпленок в корке золотой
Над скатертью дымил.
С пластинки страстный баритон
Слух песнями томил.
Мужчины важно рассуждали
О делах в стране.
Прилично, чинно, благородно,
Было все вполне.
С хлопком теряла пробку вдруг
Бутылочка винца,
И тост за здоровье звучал
Счастливого отца.

Отец его ученым стал.
Он что-то там открыл.
И полной чашей потому
Их дом уютный был.
Но,
В девяностые
Страна
Сменила резко путь.
Такой семье
В такой стране —
Свободно не вздохнуть.
Хозяином повсюду стал
Торговец и бандит.
И
У соседа
Будто черт
С тех дней в душе сидит.
Свобода для кого-то — рай,
Кому-то — к смерти шаг...
Могу я выйти на балкон?
Здесь тяжело дышать?

Мужчина в форме:
«Не сейчас,—
Мне вежливо сказал,—
Для опознания прошу
Пройти со мною в зал...».

В ту ночь я так и не уснул.
Соседа вспоминал.
Из детства страшная труба,
В которой я застрял,
Мерещилась во тьме. И в ней
Товарищ мой кричал:
— Я задохнусь здесь! Вызывай
Пожарных и врача!
Но рядом не было меня.
И не было друзей.
Труба пороков и страстей.
Он растворился в ней.
И солнце без него взошло.
В окне мелькнул трамвай.
Будильник резко прозвенел:
«Работа ждет. Вставай!»
На всякий случай — мало ль что! —
Я посмотрел в глазок,
А после — ужас! — как всегда,
Я скушал творожок.
Почистил обувь. Дверь закрыл.
И вызвал кнопкой лифт.

Я вышел в утренний туман,
Как теплоход в залив.
Мне повстречался на крыльце
Еще один сосед.
Я, как исправный автомат,
Сказал ему: «Привет!»
Как будто не было вчера
События,
Когда
Ты понимаешь вдруг, что жизнь —
Уходит,
Как вода.
Как будто все приснилось нам:
Полиция, допрос
И шепоток: «Не может быть!»,
И трупный запах в нос.
А может, не было всего?
И кто-то дурит нас?
Но смотрит в спину с этажа
Оконный мертвый глаз,
За ним — квартира. Пусто в ней.
В ней холодно. Темно.
Когда-то здесь семья жила.
Недавно ли? Давно?

Под утро, девять дней спустя,
Привиделся мне сон.
На День рождения в тот дом
Я к другу приглашен.
Ему опять двенадцать лет.
Он школьник озорной.
О самолетах, кораблях
Беседует со мной.
А за столом отец и мать
С фужерами сидят.
Как беззаботны голоса!
И счастья полон взгляд.
И не коснется горе их.
Не справится беда,
Когда душа родной семьи
С тобою навсегда.
А если грянул где-то гром —
То это дождь прошел.
Зачем пугаться?
Дома ты.
Все будет — хорошо...

